

УДК 911.3

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-101-112

## КУЛЬТУРНЫЙ ЛАНДШАФТ ВООБРАЖАЕМОЙ СТОЛИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЛИХОСЛАВЛЯ И ОЛОНЦА)

**Окунев И. Ю., Остапенко Г. И.**

*Московский государственный институт международных отношений  
Министерства иностранных дел Российской Федерации  
119454, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 76, Российская Федерация*

### **Аннотация**

**Цель.** Выявить особенности проявления этнического фактора воображаемой столичности в культурном ландшафте на примере Лихославля и Олонца.

**Процедура и методы.** Проведены полевая политико-географическая экспедиция, глубокие полуструктурированные и неструктурированные интервью, нарративный анализ. В фокусе исследования были всесторонне рассмотрены нарративы о воображаемой символической столице в разрезе реализации упорядочивания индивидуального опыта в соответствии с исторической цепью событий или её восприятием.

**Результаты.** В ходе полевых исследований в г. Лихославль и в прилегающих сёлах (Чашково, Толмачи), а также в г. Олонец были проведены 20 глубоких интервью для осуществления нарративного анализа. В данной работе проанализированные данные представлены в обобщённом виде. Исходя из результатов анализа интервью, видно, что столичность респондентами воспринимается как незавершённый (незавершаемый) нарратив, относительно которого создаётся репрезентация. В нашем случае воображаемый столичный нарратив существует как открытый для множества воспринимающих, открытый вовне.

**Теоретическая и/или практическая значимость.** В условиях малых городов рассмотрено применение культурных и социально-политических практик по наделению пространства (культурного ландшафта) смыслами воображаемой столичности. Обнаружено наличие функциональных отношений существующего нарратива о воображаемой столичности в Лихославле и Олонце с практиками «этапов генерации». Определена специфика воображаемого столичного позиционирования рассредоточенного субэтнуса карел (Лихославль) с позиции локальных нарративов Лихославля и типичного случая расселения карел (Олонец). Воображаемая столичность Лихославля и Олонца не инертна, а мобильна, перемещается в символическом контексте пространственной субъектности. Изучение функционирования нарратива воображаемой столичности субэтнических групп карел открывает новое исследовательское поле изучения культурного ландшафта и социально-политических отношений на региональном и субрегиональном уровне, обладающее потенциалом для дальнейших исследований.

**Ключевые слова:** карелы, культурный ландшафт, Лихославль, нарративы, Олонец, пространство, столичность

## CULTURAL LANDSCAPE OF IMAGINED CAPITALNESS (CASES OF LIKHOSLAVL AND OLONETS)

*I. Okunev, G. Ostapenko*

*MGIMO University*

*prosp. Vernadskogo 76, Moscow 119454, Russian Federation*

### **Abstract**

**Aim.** We identify the features of the manifestation of the ethnic factor of the imagined capital city in the cultural landscape on the example of Likhoslavl and Olonets.

**Methodology.** Use is made of field political-geographic expedition, in-depth semi-structured and unstructured interviews, and narrative analysis. The focus of the study is a comprehensive examination of the narrative about the imagined symbolic capital in the context of the ordering of individual experience in accordance with the chain of events or its perception.

**Results.** In the course of field research in the city of Likhoslavl, in the villages of Chashkovo and Tolmachi, and in the city of Olonets, a total of 20 in-depth interviews were collected for narrative analysis. In this work, the analyzed data are presented in a generalized form. Based on the results of the interview analysis, it is possible to conclude that the respondents perceive the “capital” area as an unfinished (incomplete) narrative, in relation to which a representation is created. In our case, the imagined capitalness’ narrative exists as open to a multitude of perceivers, open to the outside.

**Research implications.** In the conditions of small towns, the application of cultural and socio-political practices to endow the space (cultural landscape) with the meanings of an imagined capital area is considered. The presence of functional relations of the existing narrative about the imagined capital city in Likhoslavl and Olonets with the practices of “generation stages” is revealed. The specificity of the imagined capital positioning of sub-ethnoses of Karelians is determined from the position of local narratives for the incidents of Likhoslavl and Olonets. The imaginary capital of Likhoslavl and Olonets is not inert, but mobile, moving in the symbolic context of spatial subjectivity.

The study of the functioning of the narrative of the imagined capital city of sub-ethnoses of the Karelians opens up a new research field for studying the cultural landscape and socio-political relations at the regional and sub-regional level, which has the potential for further research.

**Keywords:** Karelians, cultural landscape, Likhoslavl, narratives, Olonets, space, capitalness

### **Введение**

Понятие культурного ландшафта за последнее время не раз попадало в фокус исследований разных областей знаний. Изучается и осмысливается культурный ландшафт в различных интерпретациях. Интересно рассмотреть особый семиотический компонент культурного ландшафта в разрезе воображаемой столичности на примере г. Лихославля и г. Олонца.

Культурный ландшафт (в трактовке концепции К. Зауэра) имеет пространственное измерение в том понимании, что является проекцией на географическую локацию (пространство) накопленной эволюции культур, бытующих в данной локации [7]. В развитии данной идеи можно сказать, что «проекция» взаимодействует не только с породившим её этно-культурным опытом. Культурный ландшафт – про-

дукт переработки географической среды деятельностью человека в контексте симбиоза природных и культурных характеристик ареала.

По мнению В. Л. Каганского, общность набора аспектов рассмотрения ландшафтов важна, но разные аспекты обладают различным потенциалом [2]. Так, антропогенное воздействие является фактором, в наибольшей степени формирующим культурный ландшафт, а, в свою очередь, его важнейшим элементом является особый семиотический компонент, включающий в себя образы и символы ландшафта.

Культурный ландшафт может пониматься как ландшафт, модулируемый передаваемыми от поколения к поколению накопленным опытом, общеразделяемыми ценностями и интеллектуальным потенциалом. По К. Зауэру, ключ к пониманию содержания культурного ландшафта – ценности человека-обитателя. Люди, проживающие на территории ареала, являются его частью, живут в нём, модифицируют его, но при этом ограничены его ресурсами и возможностями [7, с. 117].

Ярким примером такого понимания взаимодействия на культурный ландшафт обитателей ареала и влияния ландшафта/ареала на жителей могут послужить случаи воображаемой столичности г. Лихославля и г. Олонца.

### **Нарративы в столицеведении**

Казусы городов Лихославль (Тверская область) и Олонец (Республика Карелия) будут рассмотрены как примеры воображаемой (символической) столичности по определению данного явления, а именно ситуации возникновения в дискурсе поселения идеи и, впоследствии, целого нарратива о

столичности данного места при отсутствии государственности.

Иными словами, безгосударственные территориальные сообщества, не имеющие прав на «реальную» столицу, создают особый нарратив о столичности места вне необходимости и наличия актуальной (фактической) государственности.

Предшествующие исследования воображаемой (символической) столичности [9] практически не затрагивали этническую составляющую: учёные преимущественно сосредоточивались на собственно пространственном проявлении такой столичности. Здесь, говоря об этнической составляющей, мы подразумеваем дополнительный критерий для сплочения территориального сообщества на основании этнической солидарности маркеров этничности (в терминах этнополитолога П. Осколкова) в вопросе формирования столичного нарратива.

План данного исследования был составлен таким образом, чтобы учесть посредством качественных методов новые тенденции в исследовании символической столичности [5], а для выявления особенностей проявления этнического фактора воображаемой столичности был применён в качестве метода исследования нарративный анализ. Материалы для него были получены благодаря глубинным полуструктурированным и неструктурированным интервью, проведённым в ходе 2 полевых политико-географических экспедиций.

Нарративный анализ в качестве метода исследования заимствован из социальных наук. По одной из характеристик, данных М. Паттерсон и К. Монро, нарратив «отсылает к спосо-

бам, которыми мы конструируем разрозненные факты в наших собственных мирах и сплетаем их когнитивно воедино, чтобы придать смысл нашей реальности» [10, р. 315]. Они же характеризуют нарратив как наиболее распространённую и влиятельную форму дискурса, занятую в человеческой коммуникации [10, р. 316].

Широкая трактовка концепта «нарратив» объясняет его применимость к большому кругу явлений и проблем, исследовательских областей [13], в которых, помимо прочего, можно выделить, как минимум, социальную (социологическую), психологическую, историческую, геополитическую семиотическую перспективу (речь идёт об устном или письменном вариантах рассказа информанта).

В этом смысле нарративный анализ полезен тем, что, в отличие от дискурсивного, позволяет анализировать воспринятый информантом дискурс с учётом перцепции [5, с. 46].

Рассматривая «этническое» (проявление этничности) как сущностно социально значимую, но персональную характеристику, а также в соответствии с методами исследования символической столичности на данном масштабе (малые города) [5], мы избрали метод именно нарративного анализа, посредством которого можно оценить влияние фактора этничности на персональное видение столичности каждого конкретного информанта.

Паттерсон и Монро выделяют несколько свойств нарратива. Наиболее важным для нашей работы представляется нарратив, требующий «авторства», имеет в центре внимания актора, выражающего собственную позицию,

сопровождаемую описанием личного видения контекста событий.

Методологически зафиксируем тот факт, что мы используем 2 понимания «нарратива» в контексте данной работы:

1. нарратив как личный рассказ от первого лица [13];
2. коллективная «история»<sup>1</sup> символической столичности.

В данной работе такие трактовки нарратива позволяют сфокусироваться на всех смыслах, которые могут быть важны для респондентов: индивидуальных, персональных, равно как и традиционных, и этнически окрашенных.

Размышляя о столицах, а точнее, воображая (*imagine*) их, мы часто представляем их как достаточно крупный город, выделяющийся по своим характеристикам среди всех других (например, Москва). Или как своеобразный локус власти (например, Вашингтон).

В обыденной речи мы часто говорим и о региональных столицах. Чтобы выделить символическую столичность, дадим ей однозначное определение. Символическая (или воображаемая) столичность – нарратив об обладании столичным статусом локации (населённого пункта), не имеющего актуальной столичности. Под актуальной столичностью мы понимаем статус столицы государства как характеристику государственности.

Формальное и наиболее общее определение дано В. Росманом – «место размещения государственных органов» [8]. И хотя оно тоже является довольно проблематичным (ЮАР – пример мультистоличности). В то же время довольно сложно определить

<sup>1</sup> Коллективно распределённая или коллективно разделяемая история.

столицы с большим количеством уточнений. Даже говорить о столичном городе (именно городе) не всегда уместно. Самый крупный город, самая большая агломерация, транспортный хаб, центральное (географическое) положение в политике. На все эти критерии найдётся контрпример в генеральной совокупности столиц мира.

Однако один из не вполне очевидных пространственных механизмов отчасти помогает определять столицу. Так, мы можем сказать, что центр-периферийные отношения могут характеризовать локацию как столицу. Это не детерминированный механизм, а лишь обуславливающий, по логике П. Видаль де ла Блаша. Центр-периферийные отношения формируют, главным образом, нарратив о столичности, т. к. происходит де-факто «учреждение периферии» территории или ареала, принципиально отличающегося и совершенно отличающегося («внутренний другой» и «свой/чужой»).

В понимании Ю. Лотмана, пространственная организация является одним из универсальных средств построения любых культурных моделей. Семиотика культуры, пространство, пространственный язык и принцип пространственной организации – основа формирования целостной смысловой сферы культуры, культурного ландшафта. Лотмановская логика описания построения культуры начинается с изучения отношений между физическим или онтологическим окружающей среды и семиотического или познаваемого пространства, где физические объекты семиотизируются (символизируются, инкорпорируются в устойчивые образы).

Метафорическое применение пространства предполагает, что важность онтологической реальности редуцирована в пользу семиотической реальности. Семиотическое пространство и семиотизированная реальность сливаются в языковые (текстовые) феномены, образующие дискурсивную ткань культуры, культурного ландшафта [11].

Анти Рандвиер отмечает, что пространственные структуры в культуросемиотике Лотмана часто представлены в виде бинарных оппозиций: «внутри-снаружи», «справа-слева», «верх-низ», «ближний-дальний», «центр-периферия», «свой-чужой» и т. д. Поскольку пространственное моделирование касается не только физического пространства, но и семиотической сущности, то оно влечёт за собой такие принципы, как «статико-динамический», «дискретно-непрерывный», «открыто-закрыто», «однородно-неоднородно», «разграничено-немаркировано». Перцептивное и когнитивное сливаются воедино в культурно влияющем процессе моделирования осмысленной пространственной среды – культурного ландшафта [11].

Это, пожалуй, главный инструмент генерации воображаемой (символической) столичности. На фундаменте местного нарратива об исключительности, который в той или иной форме проявляется везде, рождается некоторая идея (причём необязательно «сверху»), способная не вызвать повсеместного «скептицизма». Поэтому важен «фундамент», который будет проецировать локальное пространственное содержание во вне.

Технически такая «символическая» идея зачастую не является самобыт-

ной, в отличие от фундамента, а заимствуется. Чаще всего у актуальных (реальных) столиц. Символические аспекты реальной столичности (государственность, общественные пространства, архитектура, монументы и памятники регионального/локального значения, региональные (аллюзия к «национальным» героям) инкорпорируются на местной почве в городской/локальный нарратив. Данный процесс мы называем этапами генерации нарратива: обнаружение, заимствование, генерация и воспроизводство нарратива о столичности – стадии, которые проходит пространственная идея прежде, чем стать краеугольным камнем воображаемой символической столичности.

Во многом этот процесс действительно воображаемый. Первая столица Руси (так называют Старую Ладогу) в настоящий момент не имеет ни политических, ни формальных оснований быть столицей РФ, но идея, а, через некоторое время и нарратив, о символической воображаемой столичности формируется.

Поэтому этот феномен очень сильно зависит от пространственного воображения, также задействованного в формировании культурного ландшафта.

### **Анализ столичных нарративов**

В контексте рассматриваемых случаев в основе лежит культурно-этнический фактор – карельский субэтнос в Карелии (Олонец) и карельский (тверской) субэтнос (Лихославль).

Олонец – первая столица карелов. Крепость, потерявшая своё былое значение после строительства Петрозаводска. Следует отметить, что Олонец – самое древнее в Карелии

название из встречающихся в письменных памятниках (первое упоминание – в 1137 г. в «Уставной грамоте» новгородского князя Святослава Ольговича). Топоним употреблён в форме «Олоньсь». Как и другие географические названия древнего происхождения, Олонец с трудом поддаётся расшифровке. Наиболее вероятным представляется вариант происхождения от вепсского «низкое место, низменность» через цепь фонетических переходов. Географическое положение Олонца свидетельствует в пользу этой гипотезы [3, с. 70–71].

Лихославль, столица Тверской Карелии, – город, образованный в 1915 г. слиянием нескольких деревень и станционного посёлка (Лихославль, Осташково) на главном ходе ныне Октябрьской железной дороги. Случай Лихославля уникален сосредоточением большой доли малочисленного субэтноса<sup>1</sup> карелов (тверские карелы).

Казус Олонца, центра Олонецкого национального района, уникален тем, что в городе и районе сосредоточена большая доля субэтнической языковой группы карелов-ливвиков (одного из крупных субэтносов карелов, кроме людиков, составляющих в единстве карельский этнос).

В обоих случаях «столичное» позиционирование происходит посредством отсылки к представителям соответствующего субэтноса. Так возникает нарратив о Тверской Карелии (сосредоточенной, главным образом, на территории Лихославльского муниципального округа) и частной его составляющей «Лихославль – столица

<sup>1</sup> Также будем использовать термин «субэтническая группа» по отношению к тверским карелам.

Тверской Карелии», а также нарратив об Олонце (воображаемой, «первой» столице карел) – городе, в котором карелы составляют большинство населения и самом населённом представителями карельского субэтноса районе Республики Карелия.

По нашему мнению, такое отождествление «нестоличного» по противоречию с самой широкой (объёмной) дефиницией столицы, по Россману [4, с. 74; 8, с. 35], со «столичным» создаёт специфический социально-политический ландшафт: обретение или выявление столичности через призму акцентирования на наиболее исключительных, уникальных пространственных характеристиках культурного ландшафта в той или иной локации.

В Лихославле и Олонце по-разному реализуются национальные политико-географическая практики в разрезе пространственного восприятия локации, развития территории и основных принципов функционирования сформировавшегося культурного ландшафта на почве карельских национальных нарративов.

Любое исследование российских столиц без актуальной государственности базируется на рассмотрении основных архетипов символизма этих столиц: первой (бывшей) столицы; столицы, ныне не существующей политики; столицы выдуманного (виртуального) государства [9]. К этим примерам можно отнести рассматриваемые архетипы воображаемых столиц небольших этнических сообществ – Лихославль и Олонец.

Однако при имеющемся опыте изучения столичного символизма отдельных малых городов и относительной прозрачности путей номинации вооб-

ражаемых (символических) столиц на уровне дискурса, мы не можем вести речь об открытии механизма перерастания нарратива в дискурс. Во многом этот процесс затрагивает «воображаемый» (символический) аналог идеи о воплощении в подобных столицах «идеализированных образов нации (народности) и национальной истории» и способов «представления нации (народности) себе и окружающему миру» [8, с. 35–36].

При политико-географическом измерении столичности в разрезе рассмотрения культурного ландшафта мы обращаем внимание на пространственную природу символизма (воображаемости) образов такой столичности [6]. Однако не каждый нарратив претендующего на воображаемую символическую столичность города может быть трансформирован в полноценно «столичный». Нарратив должен последовательно пройти «этапы генерации». Это последовательные стадии его развития: обнаружение, заимствование, генерация и воспроизводство. Обнаружение предполагает поиск аналогичного локальному столичного содержания на примере других столиц. Заимствование означает поиск формата реализации подобного содержания для последующего развития. Генерация характеризует процесс формирования собственного символического контента на основе опыта предыдущих этапов. На этапе воспроизводства сформированный ранее нарратив поддерживается и совершенствуется посредством не меняющих принципиально содержание уточнений.

Обозначенные выше стадии «этапов генерации» описывают процесс становления коллективного narra-

тива о воображаемой (символической) столичности, который является продуктом многократной рефлексии множества различных частных интерпретаций пространства, пространственных связей и отношений – индивидуальных нарративов.

В ходе экспедиций в рамках проведённого исследования оценивался культурный ландшафт воображаемой столичности Лихославля и Олонца для их жителей. По результатам анализа индивидуальной рефлексии информантов на тему позиционирования Лихославля и Олонца в процессе интервью, представилось возможным сделать выводы о значимости нарративов о воображаемой символической столичности Лихославля как столицы Тверской Карелии и о воображаемой столичности Олонца как первой и культурной столицы карел (первая столица карел, столица Русской Карелии, ранняя столица Карелии и забытая столица карел). Символический аспект столичного позиционирования был разведён на образную и пространственную составляющие.

В обоих случаях присутствует двойственность пространственного потенциала. «Лихославль – столица Тверской Карелии» и «Олонец – первая и культурная столица карел» используют в названии отсылки и к «автохтонной» географии (Тверская область, Карелия), и к этносу (карелы). Этот факт характеризует уникальные локальные и сетевые межрегиональные пространственные отношения, на которые претендуют воображаемые «столицы» – собирательный образ всех карелов, проживающих в Тверской области и Олонецком районе, но не находящихся в отрыве от исторической

родины. В обоих случаях воображаемая столичность как Лихославля, так и Олонца хотя и предполагает собирательный карельский образ, но носит «внецентральный» характер [6].

Имеет место фактическая дифференциация столичных функций (многостоличность). В отношении Лихославля происходит символическое объединение культурно-языкового аспекта (Толмачи), административного (Тверь) и смыслообразующего (Лихославль) в центр под ведущим началом последнего. В отношении Олонца как первой ранней столицы происходит сакрализация культурных кодов карел как национального ядра карельского субэтноса. Сформированная территориальная идентичность по-прежнему слабо связывает карелов непосредственно с Лихославлем, в то время как зарождающаяся пространственная идентичность карелов больше ассоциирует их с Тверью, Петрозаводском или Олонцом [4, с. 40–41]. В этих обстоятельствах столица Тверской Карелии – Лихославль как столица сообщества, в отличие от других примеров воображаемой символической столичности, «не стационарна», а «мобильна», перемещается в символическом контексте пространственной субъектности [6].

По нашему мнению, воображаемая «машинерия» образных символических столиц по своему функционалу максимально приближается к принципам функционирования реальных столиц благодаря символическим аналогам процессов нацистроительства. Идея о столичности, пусть и воображаемой, призвана консолидировать локальное сообщество вокруг продуцирования общей идентичности



культурного ландшафта, даже с редуцированной пространственной компонентой [8, с. 73–75].

Образный потенциал идей «Лихославль – столица Тверской Карелии» и «Олонец – первая и культурная столица Карелии» базируется на культуре и истории тверских карел. В самом названии прослеживается попытка зафиксировать эту констелляцию уникального культурного ландшафта с географическим положением в качестве метафоры, соответствующей городам [10].

Культурный ландшафт воображаемой столичности построен на отражении от восприятия периферии. Данное важно, т. к. при относительном удалении от «столичного» все локации условно усредняются по показателю имманентной самости (самоидентификация столичного, национального), внутренне присущей какой-то черты, выделяющих нас среди других. Периферия – также «наша», но отличается по совокупности свойств. Она нас конституирует, но в то же время десакрализована.

В случае воображаемой столичности культурный ландшафт основан не на том, что есть, а на том, чего нет. Продолжая исследования, мы обнаружили, что, помимо искусственной государственности, конституирующими могут стать и этнический, и языковой аспекты. Конструирование воображаемых столичных смыслов происходит либо как властная практика (как редуцируемые и конструируемые формы социального взаимодействия), практика самопрезентации и организации пространства [1], либо конструирование происходит на базе идеи интерпретации пространства, в т. ч. на уровне

языковых употреблений. Успешность такого конструирования зависит от аутентичности «столичных» характеристик места.

### Заключение

Понятие столицы в русском языке с точки зрения ландшафта – вопрос деперсонафицированный и десакрализованный в обыденном рутинном употреблении и, пожалуй, здесь работают идеи «свой-чужой», «внутренний-другой» и «центр-периферия». Воображаемость (символичность) таких столиц заключается в т. ч. и в культурном коде населённого пункта.

В ходе интервью информанты уделяли внимание преимущественно культуре карел (значимые нематериальные образы), мероприятиям этнокультурной направленности, поддержке карельского языка.

В силу вектора развития г. Лихославля и г. Олонца, направленных на поддержку местных инициатив этнокультурных мероприятий, можно говорить о культурной самомотивации воображаемых столиц.

На основе материалов проведённых интервью можно заключить, что в настоящий момент как Лихославльский, так и Олонецкий столичные нарративы находятся только на стадии генерации в терминологии «этапов генерации». В обоих случаях усматривается запрос на реализацию идей о «центре» локации карельского субэтноса и функционального столичного позиционирования, сосредоточивающих в едином комплексе культурные и пространственные инструменты смыслообразования.

Можно зафиксировать, что содержание нарратива не вызывает от-

торжения у информантов благодаря аутентичности и органичности воображаемого столичного образа, которые будут способствовать дальнейшему его развитию.

По результатам работы перспективной представляется идея рассматривать

Лихославль и Олонец как воображаемую символическую распределённую столицу (в терминах А. Рапопорта [12]) в контексте культурного ландшафта карельского этноса.

Статья поступила в редакцию 18.03.2023

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Вахштайн В. Социология повседневности: от «практики» к «фрейму» // Социологическое обозрение. 2006. Т. 5. № 1. С. 69–75.
2. Каганский В. Л. Культурный ландшафт: основные концепции в российской географии // Обсерватория культуры. 2009. № 1. С. 62–70.
3. Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики. Петрозаводск: Карелия, 2007. 120 с.
4. Окунев И. Ю. Столицы в зеркале критической геополитики. М.: Аспект Пресс, 2020. 272 с.
5. Окунев И. Ю., Остапенко Г. И. Восприятие пространства в программе семиотики столиц // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2022. № 1. С. 43–61.
6. Остапенко Г. И. Позиционирование Лихославля как «столицы»: символический аспект // Тверские карелы: две культуры – одна родина: сб. док-дов научно-практ. конф. / под ред. М. Б. Камриковой, Е. А. Макаровой. Лихославль, 2022. С. 97–102.
7. Рагулина М. В. Классическая концепция культурного ландшафта Карла Зауэра: история и современность // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Науки о Земле. 2013. Т. 6. № 1. С. 174–182.
8. Росман В. Столицы: их многообразии, закономерности развития и перемещения. М.: Издательство Института Гайдара, 2013. 336 с.
9. Okunev I., Ostapenko G. Symbolism of Capital Cities: Field Research of Stateless Capitals // Territorio. 2020. № 94. P. 167–178.
10. Patterson M., Monroe K. R. Narrative in Political Science // Annual Review of Political Science. 1998. № 1. P. 315–331.
11. Randviir A. Space // The Companion to Juri Lotman. A Semiotic Theory of Culture / eds. by M. Tamm, P. Torop. London: Bloomsbury Academic, 2022. P. 200–210.
12. Rapoport A. On the Nature of Capitals and Their Physical Expression // Capital Cities: Perspectives Internationales / eds. By J. Taylor, J. G. Lengellé, C. Andrew. Ottawa: Carleton University Press, 1993. P. 31–67.
13. Riessman C. K. Analysis of Personal Narratives // Handbook of Interview Research. Context and Method / eds. by J. F. Gubrium, J. A. Holstein. London; Thousand Oaks, CA: Sage Publications. 2001. P. 695–710.

#### REFERENCES

1. Vakhstein V. [Sociology of everyday life: from “practice” to “frame”]. In: *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2006, vol. 5, no. 1, pp. 69–75.
2. Kagansky V. L. [Cultural landscape: basic concepts in Russian geography]. In: *Observatoriya kultury* [Observatory of Culture], 2009, no. 1, pp. 62–70.
3. Kert G. M., Mamontova N. N. *Zagadki karel'skoi toponimiki* [Riddles of Karelian toponymy]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 2007. 120 p.

4. Okunev I. Yu. *Stolitsy v zerkale kriticheskoi geopolitiki* [Capitals in the mirror of critical geopolitics]. Moscow, Aspect Press Publ., 2020. 272 p.
5. Okunev I. Yu., Ostapenko G. I. [Perception of space in the program of semiotics of the capitals]. In: *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* [Man: Image and essence. Humanitarian aspects], 2022, no. 1, pp. 43–61.
6. Ostapenko G. I. [Positioning of Likhoslavl as a “capital”: a symbolic aspect]. In: Kamrikova M. B., Makarova E. A., eds. *Tverskie karely: dve kul'tury – odna rodina* [Tver Karelians: two cultures – one homeland]. Likhoslavl, 2022, pp. 97–102.
7. Ragulina M. V. [The classical concept of the cultural landscape of Karl Sauer: history and modernity]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Nauki o Zemle* [Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Earth Sciences], 2013, vol. 6, no. 1, pp. 174–182.
8. Rossman V. *Stolitsy: ikh mnogoobrazie, okhvati razvitiya i peremeshcheniya* [Capitals: their diversity, patterns of development and displacement]. Moscow, Izdatelstvo Instituta Gaydara Publ., 2013. 336 p.
9. Okunev I., Ostapenko G. Symbolism of Capital Cities: Field Research of Stateless Capitals. In: *Territorio*, 2020, no. 94, pp. 167–178.
10. Patterson M., Monroe K. R. Narrative in Political Science. In: *Annual Review of Political Science*, 1998, no. 1, pp. 315–331.
11. Randviir A. Space. In: Tamm M., Torop P., eds. *The Companion to Juri Lotman. A Semiotic Theory of Culture*. London, Bloomsbury Academic, 2022, pp. 200–210.
12. Rapoport A. On the Nature of Capitals and Their Physical Expression. In: Taylor J., Lenggellé J. G., Andrew C., eds. *Capital Cities: Perspectives Internationales*. Ottawa, Carleton University Press, 1993, pp. 31–67.
13. Riessman C. K. Analysis of Personal Narratives. In: Gubrium J. F., Holstein J. A., eds. *Handbook of Interview Research. Context and Method*. London, Thousand Oaks, CA, Sage Publications. 2001, pp. 695–710.

---

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Окунев Игорь Юрьевич – кандидат политических наук, доцент, директор Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований, МГИМО МИД Российской Федерации;  
e-mail: iokunev@mgimo.ru

Остапенко Герман Игоревич – стажёр-исследователь Центра пространственного анализа международных отношений Института международных исследований, МГИМО МИД Российской Федерации;  
e-mail: g.ostapenko@inno.mgimo.ru

#### INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Igor Yu. Okunev – Cand. Sci. (Politics), Director, Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University;  
e-mail: iokunev@mgimo.ru

German I. Ostapenko – Research Assistant, Center for Spatial Analysis in International Relations, Institute for International Studies, MGIMO University;  
e-mail: g.ostapenko@inno.mgimo.ru

**ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ**

Окунев И. Ю., Остапенко Г. И. Культурный ландшафт воображаемой столичности (на примере Лихославля и Олонца) // Географическая среда и живые системы. 2023. № 2. С. 101–112.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-101-112

**FOR CITATION**

Okunev I. Yu., Ostapenko G. I. Cultural landscape of imagined capitalness (cases of Likhoslavl and Olonets). In: *Geographical Environment and Living Systems*, 2023, no. 2, pp. 101–112.

DOI: 10.18384/2712-7621-2023-2-101-112